

Е В Г Е Н И Й К О Л Е С О В

КИТАЕЦ

ш п и **Q** н с к и й р о м а н

от автора и ведущего программы «Открытие Китая» на Первом канале

ЕВГЕНИЙ КОЛЕСОВ

Китаец

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колесов Е. В.

Китаец / Е. В. Колесов — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-94067-7

Успешного студента третьего курса Тимирязевки Алексея Назарова, получившего диплом химфака в Харбине и свободно владеющего китайским и английским языками, вербует военная разведка России. Отныне он ведет двойную жизнь, о его миссии не знает даже возлюбленная Катя. Лучшие инструкторы обучают его ремеслу разведчика, а военные медики «форматируют» его память. После успешного прохождения практики Назарова, получившего агентурный псевдоним «Китаец», отправляют в Поднебесную в качестве нелегала, чтобы предотвратить серию химических диверсий на границе с Россией. Работая в разных уголках Китая, завязывая полезные знакомства, он добывает ценную информацию, но однажды оказывается на крючке китайской контрразведки. Его арестовывают, пытаются и решаются применить смертельную пытку «три восьмерки»... Чем ответит военная разведка России? Счет идет на часы...

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94067-7

© Колесов Е. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава последняя	6
Глава I. «Вы нам нужны»	7
Глава последняя	15
Глава II. «Перезагрузка»	16
Глава последняя	24
Глава III. «Консервация»	25
Глава IV. «Гид»	32
Глава V. «Дахай – друг военного китайца»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Колесов

Китаец

© Колесов Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава последняя

Время: 2011 год

Место: неизвестно

Я валяюсь в камере на бетонном полу в позе лягушки. Руки, обхватив согнутые в коленях ноги, привязаны ладонями к стопам. В камере только серые, грубо забетонированные давящие стены, неподвижная мрачная лампа, свисающая с низкого потолка и накрывающая помещение бледным светом. Кто-то прыскает меня чем-то липким – то ли медом, то ли сиропом, через удушающую вонь экскрементов не могу различить. Глаза не открываются, лицо заплывло от ран и синяков, а моя изорванная, грязная роба пропитана кровью...

После очередного отказа идти на контакт с китайской контрразведкой меня начали пытать. С того момента я не спал и часа, а пошли уже, наверное, третьи сутки. От боли и усталости я потерял счет времени. Меня допрашивали под пытками по три-четыре часа подряд, а в перерывах между экзекуциями бросали на полчаса головой вперед в «каменный мешок».

Дыра в бетонной стене глубиной в пару метров, высота и ширина которой не превышала восьми десятков сантиметров, внутри была вся в каменных колючках от грубо наляпанного раствора цемента. Каждый раз те, кто бросал мое связанное тело внутрь, старались сделать это как можно больнее. После того как меня вталкивали в этот мешок, сюда же забрасывали несколько крыс и закрывали, судя по глухому звуку, чугунную, массивную дверь. В этой тесноте и кромешной тьме крысы, чувствуя кровь, метались, кусали мое тело и пронзительно пищали. Связанный, я извивался как мог, пытаюсь давить серых тварей своим телом и головой, но те вырывались, становились еще агрессивнее и кусали и царапали с новой энергией. И писк, писк, писк...

Через полчаса крысиных боев мое кровоточащее от укусов и царапин тело вытаскивали и за ноги волокли на очередное испытание.

Через узкие щели заплывших глаз я видел, как неподалеку от камеры валялся мой крест, который с меня сорвали силой. Топаз, расположенный по центру креста, блестел, улавливая свет лампы, освещавшей весь ужас происходящего здесь.

Глава I. «Вы нам нужны»

«Просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому что все знали наперед».

Сунь Цзы. Глава XIII. Использование шпионов

Время: 2002 год

Место: Москва

– Здравствуйте, меня зовут Алексей Назаров. Тема моего доклада... если у вас есть какие-то вопросы, я с удовольствием на них отвечу... да, пожалуйста...

Я стоял перед зеркалом в тесной комнате своего общежития и репетировал предстоящее выступление. Костюм сидел очень хорошо, но мне никогда не нравилось застегивать пиджак. Я подошел к зеркалу ближе и увидел, что сквозь белоснежную рубашку предательски просвечивает мой талисман – крест, украшенный камнями. Гранат, два вида нефрита и посередине – топаз. Но надетый сверху галстук разрешил появившийся вопрос.

В тот ставший судьбоносным день мне предстояло выступить с докладом в Российском государственном аграрном университете, который все называли просто «Тимирязевка».

Там, в Тимирязевке, меня считали перспективным студентом. Я был старше своих сокурсников и заметно выделялся уровнем знаний. Высокий, крепко сложенный, с легкой щетиной и почти всегда в официальном наряде – в университете меня регулярно принимали за молодого преподавателя.

Прежде чем оказаться в Тимирязевке, я пять лет учился в Китае, в Харбинском сельскохозяйственном университете, где особое внимание уделял гербицидам. К третьему курсу отечественного аграрного университета у меня в активе было несколько побед на конкурсах студенческих работ, участие в общероссийских и международных конференциях. Когда в начале учебного года стало известно, что на факультете почвоведения, агрохимии и экологии, где я учился, пройдет круглый стол, мое участие в нем было делом решенным. По слухам, на научном заседании должен был присутствовать сам Мучкин – ведущий химик России, светило с мировым именем. Мне просто сказали: «Готовься, это твой шанс».

– А о чем твой доклад? – Катя спешно чмокнула меня в губы.

Последние несколько месяцев мы встречались с ней перед занятиями и расходились по разным учебным корпусам. Она училась на экономическом факультете.

– Тебе точно интересно?

– Конечно, – кокетничала она, убирая с лица длинные светлые волосы, которыми заигрывался ветер.

– Мой доклад по линии кафедры органической химии на тему межмолекулярного взаимодействия ароматических кислот и фенолов в жидкостной хроматографии.

Катя посмотрела на меня наигранно-восхищенно.

– Какой вы, Алексей Петрович, у меня умный! Надеюсь, вы точно знаете, как это может пригодиться вам в жизни...

Свою весьма важную мысль Катя сказала будто бы в проброс. Чмокнула меня еще раз и убежала.

С Катей мы встречались около полугода. Я не задумывался о том, что будет дальше, мне просто было с ней очень хорошо. Вот и тогда все мои мысли были о предстоящем круглом

столе, о том, как Мучкин будет удивлен высоким уровнем моего доклада. Но маститый академик в Тимирязевке так и не появился.

Разочарованно я сгребал схемы фенольных соединений в портфель, когда ко мне подошел один из присутствовавших на конференции. Назвав себя Геннадием Андреевичем Красновым, он пояснил, что является коллегой старшего специалиста кафедры органической химии нашего университета, Медленько Валерия Петровича, моего научного руководителя.

Минут пять кряду Краснов расхваливал мое выступление. За это время несколько проходящих мимо человек с ним поздоровались, но, как мне показалось, не потому, что его знали, а просто из вежливости. Мой новый знакомый рассказал, что проводит серию экспериментов в области фенолов и мои научные изыскания ему крайне интересны. Взяв меня за локоть, тихим, заговорщицким голосом он сообщил, что его лаборатория почти секретная, и вручил мне визитную карточку. Я не понял, что значит «почти секретная», и посмотрел на него недоумевающим взглядом. Он пообещал, что все разъяснит на месте, и пригласил посетить его лабораторию. Прощаясь, Геннадий Андреевич нахмурил брови, суровый взгляд сделал его похожим на Штирлица, вынашивавшего как минимум план покушения на Гитлера. Я был крайне заинтригован, но все, что мог, – это лишь дожидаться назначенной встречи.

* * *

– Ты идиот?!

Я очнулся и увидел, что мужик лет сорока нервно отряхивает рукав своего пиджака и злобно на меня смотрит.

– Простите. За счет заведения. – Я подал мужчине салфетки.

Я спешно вытер барную стойку заведения, в котором подрабатывал по графику два через два.

Мне нравилось работать барменом, особенно в этом месте – центр Москвы, приятная публика, часто заходят те, кого принято называть звездами.

– Але, брюнетик! Ты работаешь или как?

Я в очередной раз задумался об утренней встрече с Красновым и выпал из реальности.

– Да, что желаете?

Певица, имени которой я не помнил, недовольно «цокнула».

– «Космос» сделай.

– Сейчас.

Пока я нарезал лайм, ко мне подошел Паша – менеджер заведения.

– Лех, че с тобой?

– Все нормально, задумался просто.

– Не выспался?

– Паш, все хорошо.

– Че ж хорошего? А если Б-52 или самбуку закажут и ты задумаешься, когда поджигать будешь? Мне тут фаер-шоу таких не надо. Иди домой, сегодня никого нет. Диман один справится.

Центнер веса с добавкой доброты по имени Паша был одновременно улыбчив и убедителен.

– Спасибо, Паш. Смену должен...

Я брел из бара домой и не мог не думать о встрече, случившейся днем. И вправду – странный какой-то этот Краснов. И почему я раньше ничего не слышал о нем? Хотя руководители кафедры так учтиво с ним здоровались... И почему он не задавал никаких вопросов во время круглого стола? Ни одному из выступавших и ни по одной из тем. И почему он подошел именно ко мне? Вопросов было слишком много, но ждать оставалось совсем недолго.

* * *

Ткань желтых штор с годами потеряла плотность и не была преградой для утреннего света. Комната, в которой я жил, была квадратов пятнадцать, не больше. Шкаф, стол (то обеденный, то рабочий), компьютер с толстенным выпуклым монитором, пара полок, заставленных книгами, и кровать. Кровать неудобная и короткая для меня – ноги упирались в заднюю стенку из тонкого дерева. По ночам я часто думал, что наутро откручу ее, но потом всегда находились дела поважнее. С того момента, как Катя начала иногда оставаться у меня ночевать, спать стало еще труднее.

Я проснулся от укалов утреннего света через веки и увидел, как Катя, стоя ко мне спиной, натягивала трусики. Надев их, она встала на носочки, подняла руки и вытянулась в струночку.

– Что же ты со мной делаешь?.. – Едва проснувшись, я начал с ней заигрывать.

– А что такое? – Изображая из себя глупышку, отличница Катя повернулась и начала приближаться ко мне.

Катя начала меня целовать, а мой взгляд замер на настенных часах.

– Стоит! – крикнул я.

– Да чувствую я, чувствую, – успела шепнуть Катя, прежде чем я выпрыгнул из кровати как ошпаренный.

– Стрелка стоит! Часы стоят! Сколько времени?!

Всю ночь я переживал о встрече с Красновым и вот теперь опаздывал на нее. Я думал, что закон подлости – это удобная отмазка, но в тот раз он доказывал мне свое существование.

Будто участвуя в соревнованиях по горнолыжному слалому, в переходах и на эскалаторах я обгонял своих соперников – прохожих. Приехав на конечную Таганско-Краснопресненской ветки метро, станцию «Выхино», и поплутав по закоулкам-переулкам, я нашел пятиэтажное здание из красного кирпича. По утверждению моей интуиции, именно оно должно было быть тем, чей адрес значился на визитке Краснова. От посторонних глаз здание скрывали высокие тополя и соседние корпуса безвкусно наставленных панельных девятиэтажек с грязно-белыми фасадами. Обойдя объект визита несколько раз вокруг, я не увидел ни номера дома, ни названия улицы. Пролить свет на вопрос, что же это за дом-лаборатория, не смогла и пара прохожих: дед, которого я остановил, оказался глухим, а тетка решила сразу возмущаться, мол, все названия улиц и номера домов ей не упомнить. В ответ я выругался на нее по-китайски, назвав «черепахой с дырявым панцирем». Она, не поняв, на каком языке я говорю, удивилась и назвала меня чуркой. На самом деле «чурок» там было действительно много, и они, работая на местном оптовом рынке, очень раздражали местное население.

Здание, обнесенное высоким забором, таким же, как обносят тысячи школ по всей стране, имело всего один вход – железную калитку. Подойдя к ней, я обнаружил, что она заперта, но рядом был неприметный звонок, на который я и нажал.

– Здравствуйте, вы к кому? – прозвучал холодный, строгий мужской голос.

– К Андрею Геннадьевичу, – ответил я, увидев под кнопкой звонка маленький железный динамик, из которого доносился сердитый голос.

– Здесь нет таких, – сообщили мне. На долю секунды я даже обрадовался, что там «нет таких». Говорящий со мной голос напомнил мне тембр нашего военкома, который, казалось, спал и видел, как забрать меня в армию. Отойдя от железной калитки метров на тридцать-сорок, я достал визитку и опомнился. Оказывается, я перепутал местами имя и отчество загадочного Краснова. Я вернулся к калитке и снова нажал звонок.

– Здравствуйте, вы к кому? – как в первый раз прозвучал голос из звонка.

– Я к Геннадию Андреевичу, – сказал я осторожно, пытаюсь не раздражать собеседника.

– Проходите.

– Спасибо.

Через мгновение раздался звонкий щелчок, ясно сигнализируя мне, что железная дверь теперь открыта. Пройдя по тихому внутреннему двору, я вошел в помещение. Охранник внимательно осмотрел меня, нажал на кнопку, место расположения которой я не понял. Раздался новый резкий и громкий цвырк электрозамка.

– Проходите, – сказал охранник. – Вам прямо по коридору, там лестница на второй этаж, кабинет № 31. Вас ждут.

– Спасибо, – кивнул я стражу этого здания и отправился по указанному маршруту. Коричневый линолеум под паркет был почти новый. Каждое окно длинного коридора украшал белый тюль, свисавший практически до самого пола. Шторы на окнах были из очень плотной ткани, если бы их закрыли, ткань не пропустила бы ни одного луча света. Сами окна были пластиковые и сильно диссонировали с возрастом здания, которому было не менее двадцати лет.

Негромко постучав костяшками пальцев в дверь под номером 31, я вошел внутрь.

– А, это вы, мой юный друг?! Здравствуйте, здравствуйте! Проходите, я вас жду. Рад, что пришли. Проходите, проходите, не стесняйтесь, – увидев мою нерешительность, любезно приглашал Геннадий Андреевич.

– Спасибо, – снова сказал я. В этот день я был чрезмерно вежлив, такое бывает, когда я волнуюсь. Какая-то беспричинная на первый взгляд тревога все возрастала и возрастала. Я вошел в просторный кабинет с двумя столами.

– Проходите в лабораторию, – пригласил меня ученый и указал рукой на дверь в стене.

– Спасибо, – снова сказал я и мысленно обругал сам себя за неумную вежливость.

– Вот она, родимая, – сказал Краснов, потирая руки и включая свет. Лаборатория была необычной. С разноцветными мензурками, она не была приспособлена для изучения фенолов, а больше походила на нерабочую лабораторию, сделанную для съемок фильма. Ни пробирок, необходимых для опытов, ни штативов для них, ни горелок, ни даже шпателей – ничего того, что необходимо для практики даже в самой простой лаборатории.

– Скажите, а опыты вы где проводите? – первым делом поинтересовался я.

– Так здесь же и проводим. Тут есть все для этого, – ответил Краснов, явно не понимая, что в таких условиях проводить опыты невозможно. А он еще что-то говорил про секретную лабораторию.

– Интересно, – сказал я равнодушно.

Я ожидал увидеть что-то грандиозное, а мне показали какую-то дыру.

– Алексей, я слышал, вы учились в Китае? – вкрадчиво спросил Геннадий Андреевич, очевидно, затеявая основательную беседу.

– Да, я окончил химфак Харбинского сельскохозяйственного университета.

– Что вы знаете о гербицидах?

– Почти все, – уверенно сказал я.

– Очень интересно. Откуда такие знания?

В глазах моего загадочного собеседника я увидел искреннюю заинтересованность. Почему бы не удовлетворить его любопытство? Может, и он в ответ объяснит, к чему весь этот маскарад.

– В Китае у нас был один профессор, военный химик, в свое время он воевал во Вьетнаме. Он много рассказывал о применении американцами вещества «Агент Оранж» – смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения, которой они травили местное население и выжигали страну. – Краснов внимательно слушал, методично покачивая головой в такт моим словам. Я продолжил: – Это был один из первых случаев применения гербицидов в военных целях. Меня, что называется, засосало. То ли пацанячья романтика, то ли что-то еще, но я крепко увлекся изучением гербицидов. Китайский профессор поддерживал меня, активно снабжая реактивами. Я больше экспериментировал над гербицидами сплошного действия, уби-

вающими все виды растений. В итоге мне удалось вывести такой состав гербицидов, одной бочки которого хватало бы на вытравление гектара леса.

– Это как? – спросил Краснов, хитро прищутив глаза.

– Это когда на территории распыляются химикаты и всему зеленому приходит конец, от травы до вековых деревьев. И больше на том месте ничего не растет.

– Совсем?

– Ну не совсем, конечно, лет через 20–25 может прорасти травка. Правда, очень реденько.

– Зачем же вы этим занимались? С какой целью?

– Мне это казалось интересным, к тому же профессор постоянно подогревал мое любопытство, мы много времени тратили на опыты. Изначально мы планировали вывести гербициды для борьбы с наркоплантациями конопли и мака, но во время опытов пришли к необычно сильной формуле, которая поразила даже профессора. Для меня, молодого студента, возможность работать в лаборатории, да к тому же с опытным ученым, дорогого стоила.

– Чем же закончилась ваша профессиональная дружба?

– В начале пятого курса, как раз когда нам удалось вывести гербициды огромной мощности поражения, профессор куда-то уехал. Собрал все материалы исследования, сказал, чтобы я никому не говорил о том, чем мы с ним занимались, и уехал. А без него у меня не стало необходимых реактивов, опыты пришлось свернуть. Теперь мой интерес фенолы.

– Алексей, а вы знаете, что этот ваш китайский профессор работал на Министерство обороны Китайской Народной Республики? – строго спросил Геннадий Андреевич.

– Нет, я не знал, – с искренним удивлением ответил я.

– Разве вам не казалось странным, что в момент, когда вы достигли колоссальных успехов в изучаемой теме... Кстати, сколько вы занимались гербицидами?

– Четыре года.

– Так вот, – продолжил Краснов, – когда вы совершили, можно сказать, прорыв, профессор вдруг исчез, прихватив с собой все результаты ваших исследований.

– У меня все наработки остались, – коротко, будто оправдываясь, сказал я.

– Да, мы знаем, что у вас остались все наработки, – сказал Краснов.

– Откуда вы знаете? Вы же не ученый, Геннадий Андреевич? Кто вы? – спросил я, все больше понимая, что передо мной кто угодно, но только не химик.

– Я сотрудник Главного разведывательного управления Министерства обороны Российской Федерации, – четко произнес псевдоученый.

Мне стало не по себе. Зачем столько таинственности? Какая-то смешная, нелепая лаборатория, разговоры ни о чем.

– А я при чем?

– А вы, Алексей Петрович, нужны нам.

– Я?

– Да, вы. Чему удивляетесь? Мы изучали все о вас, начиная с ваших 12 лет, и пришли к выводу, что вы именно тот, кто нам нужен.

– Нужен для чего? – растерянно спросил я.

– В ближайшие пятнадцать-двадцать лет наша страна столкнется с серьезной экологической угрозой со стороны Китая. Для предотвращения негативных последствий нам нужны молодые, умные и любящие Родину ученые. Я уполномочен предложить вам службу в военной разведке. Алексей, я вербовщик, – спокойно сказал Краснов. Хотя я уже стал сомневаться, что это его настоящая фамилия. – Вы свободно владеете китайским и английским языками, долгое время прожили в Китае, получили там образование. Мы знаем, что у вас много друзей-китайцев, большинство из которых, кстати, как и вы, успешные химики.

– Я не очень понимаю, как гербициды и фенол могут помочь стране?

– Это вопрос времени. На данном этапе мне хотелось бы заручиться вашим принципиальным согласием. – Он протянул мне лист бумаги с надписью «Расписка». – Ознакомьтесь и подпишите.

Документ из нескольких предложений я прочел быстро, но почему-то смотрел на него еще несколько минут, а может, секунд. Затем, достав из левого внутреннего кармана пиджака перьевую ручку, расписался. Привычка к перьевым ручкам приехала со мной из Китая – иероглифы удобнее писать именно пером, – так они выходят красивее.

– А ручка, стреляющая ядом, у меня будет? – задал я идиотский вопрос, подтрунивая над Красновым.

– Хм... – шмыгнул вербовщик, понимая, что я пытался сострить.

Всю серьезность ситуации мне только предстояло узнать...

* * *

Несмотря на мелкий дождь и угрожающе темные тучи, я решил немного прогуляться. Люди тащили на выхинский рынок какие-то баулы, пытались, деформируя тело, втиснуться в переполненные маршрутки, неуклюже старались перешагнуть лужи, не находя в себе уверенности на прыжок.

Я зачем-то вспоминал кадры из шпионских фильмов. В голове звенели обрывки фраз: «затеряться в толпе», «вычислить», «связной»... Я вздрогнул от грубой вибрации моего первого мобильного телефона – толстой «Нокии» с антенной. На экране высветилось: «Номер не определен».

– Началось, – проговорил я вслух. И даже попытался придумать несколько глупых вариантов того, кто это может быть, но быстро понял, что это уже слишком. – Слушаю.

– Алексей, где ты пропадаешь?! Ты обещал матери, что сегодня придешь. Она, понимаешь, тебе тут печет пироги, а потом переживает, что все остынет! – Возмущение моего отца, звонившего с городского телефона, только нарастало.

– Пап, не мог позвонить. Было важное заседание на кафедре, меня туда пригласили.

– Рассказывай мне... Кому ты там, на заседании, нужен?

– Нужен! Они хотели знать мое мнение по вопросу...

– Все, не трынди по сотовой связи, не миллионер же. Бегом за стол!

Раздались короткие гудки. Это его «бегом за стол» прозвучало грозно, как в детстве, и у меня екнуло сердце. Я быстро понял отчего. Я не врал своему отцу столько, сколько себя помню. Точнее, первое мое полноценное воспоминание в жизни как раз о том, как я соврал отцу. И вот только теперь это повторилось...

* * *

В восьмидесятые годы почти в каждом доме, где был маленький мальчик, можно было встретить солдатиков из наборов, которые выпускали в промышленных масштабах. Были наборы солдатиков Советской Армии, Военно-морского флота, конница Чапаева. Мой любимый набор «Солдаты на учениях» от Брянского автомобильного завода почему-то был у меня представлен не полностью.

В один из дней мы гостили под Хабаровском, в частном доме папиного коллеги по работе на станкостроительном заводе. Среди игрушек сына папиного друга был солдатик из этого самого набора. Он стоял на одном колене и придерживал собаку, сидящую перед ним, – это был солдатик-разведчик. Наверное, он и нравился мне из-за этой собаки. О собаке я мечтал еще больше.

Я попытался договориться с малолетним владельцем разведчика об обмене, но он не соглашался, хотя и не испытывал к металлическому солдатику особой привязанности. Тогда в первый и последний в жизни раз я решился на грабеж. И маленький разведчик инкогнито переехал к нам домой.

Но вскоре начались страдания другого порядка – солдатику нельзя было публично выставить рядом со всеми остальными. Я прятал его под матрасом, а ночью он переезжал «на этаж выше», на матрас, но под подушку.

План кражи был слишком прост и строился на том, что хозяин не заметит пропажи. Но через несколько дней, когда в моей комнате уже погасили свет, со смены вернулся отец и, не снимая одежды, прошагал в детскую.

– Ты забрал у Елгиных солдатику?!

– Нет.

– Не ври мне! – Отец скинул с меня одеяло, коротким движением достал ремень и сложил его вдвое. Он ударил меня по заднице. – Признавайся! Брал?!

– Не брал! – выкрикнул я. – Не брал!

Он ударил еще раз.

– Петя! – вскрикнула появившаяся в дверях мама.

Под подушкой в кулачке я сжимал солдатику.

– Не ври мне! Ты просил поменяться, а потом его не стало. Брал?!

– Не брал! Не брал!!!

– Петя! Может, и не он, остановись! – Мама пыталась заступиться за меня, отчего мне становилось только хуже.

Я мечтал, чтобы солдатик просто испарился. Отец размахивал ремнем, а я нелепо прижимался к подушке, пытаясь все замаскировать. Отец выкинул из-под меня подушку, но солдатик успел остаться подо мной.

– Не брал, не брал!!! – Мне казалось, что обратного пути уже просто нет, и я продолжал зарываться.

Он дернул меня за руку так, что я буквально телепортировался и оказался перед ним. Солдатик остался на кровати. Отец посмотрел мне в глаза и тихо сказал:

– Хорошо. Скажи мне в глаза, что не врешь.

Я молчал. Отец заметил сиротливо лежащего на кровати солдатику. Мама вышла из комнаты...

Через полгода на день рождения мне подарили этот самый набор. Объяснили, что это за мои успехи в учебе и примерное поведение. Объясняли, что все нужно зарабатывать самому, и, конечно, припомнили ту кражу. Но тех солдатиков я уже не хотел и даже не думал начинать в них играть. Это было чувство самонаказания и некое проявление справедливости перед самим собой. Так что мой собственный разведчик так и пролежал несколько лет в коробке, пока не был кому-то передарен.

С тех самых пор я не врал отцу. Правда часто возмущала и злила его, но я гнул свою линию.

И вот теперь... Смешно, что это случилось, когда тема снова коснулась разведчиков... Или грустно? Я не знал, что ждет меня впереди.

* * *

...Дома у родителей были вкусные пироги. По телевизору шла передача «Моя семья», ее ведущий Валерий Комиссаров расспрашивал гостя, чье лицо было скрыто за «Маской откровения».

За окном тучи, собиравшиеся с духом весь день, наконец разразились ливнем. Мама налила мне горячего чая, я подошел к окну. Поправил закрутившийся крест, погладив пальцем его гладкие камушки. Сквозь дождь я посмотрел на детскую площадку. Дождь настойчиво размывал землю на ней. Я громко отхлебнул чай и обжег небо. В этот момент я четко осознал: с этого самого дня ничего и никогда не будет так, как прежде...

Глава последняя

Время: 2011 год

Место: неизвестно

На этот раз меня притащили в камеру, в центре которой на бетонном полу, пристегнутый цепями, лежал человек. Его голова, вся в блевотине, не двигалась. Надрывно дыша, он стонал. Его грудь то вздымалась, то опускалась. Периодически он сплевывал кровавую жижу. Рядом с ним стояли два здоровенных мужика.

Меня посадили на стул в метре от него и туго привязали, зафиксировав голову так, чтобы я не мог отвернуться от страдающего человека. Рядом поставили квадратную сетку с небольшими крысами, которые активно бегали из угла в угол. Чжэн – человек, который руководил моими пытками, – резко крикнул: «Начинай!» Один из китайцев, стоявший рядом, быстро присел на корточки, схватил бедолагу одной рукой за голову, а другой за нижнюю челюсть и сильным, резким движением широко раскрыл ему рот. Второй, выхватив из-за пояса рукавицу и надев ее на огромную руку, сунул в клетку с крысами, достав одну. Дикий крысиный писк и крик жертвы делали зрелище жутким.

Тот, что схватил крысу, направил ее мордой в рот бьющемуся в безумных конвульсиях человеку. Крыса на мгновение замешкалась и юркнула в горло. Тело, в которое она вбежала, напряглось каждым мускулом, и по нему проносились все новые и новые волны агонии. Через секунду туда же отправили еще двух крыс. Тело не унималось, из чрева слышался глухой писк. Человек безумно орал. Затем тот, что держал открытым рот жертвы, закрыл его, плотно сомкнув нижнюю челюсть с черепом, и замотал скотчем. Тело безумно орало через нос, из которого вперемешку вырывались тупые крики, писк и блевотина с кровью. Закрыв узнику рот, китаец встал и стал несильно давить ногой то на грудную клетку, то на живот скованного цепями.

Тело изошло еще более неистовым носовым криком и конвульсиями. Я смотрел на эту пытку сквозь щели заплывших глаз, а на меня неотрывно смотрел Чжэн, человек, которому было поручено сломать меня пытками. Я также чувствовал на себе взгляд «доброго», но ничего не добившегося Мина, допрашивавшего меня в первые семь дней после 30-дневного карцера.

Вены на голове узника вздулись до возможного предела. Китаец, давивший ногой на живот мученику, стал это делать агрессивнее, а еще через минуту он достал пистолет и выстрелил жертве точно в кадык. Звук от выстрела в маленькой комнате прозвучал как пушечный залп. Крик прекратился. В возникшую тишину из горла убитого фонтаном брызнула кровь. За несколько секунд вокруг тела застреленного образовалось густое темно-красное пятно крови. Стрелявший продолжал пульсирующими движениями давить на живот.

Скоро из тела в области шеи, в накатывающих от давления волнах крови, выскочили одна за другой три мокрые, мерзкие, растерянные крысы. Как, как крысы остались живыми, находясь в теле человека?

Глава II. «Перезагрузка»

«Пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия».
Сунь Цзы. Глава XIII. Использование шпионов

Время: 2002 год

Место: Москва

На следующий день я прибыл по указанному Красновым адресу, в здание, расположенное в десяти минутах ходьбы от станции метро «Новослободская». Меня встретил неприметный мужчина невысокого роста, лет сорока.

– Вы Назаров?

– Здравствуйте, да.

– Здравствуйте. Пойдемте, я выдам вам бумаги.

В одном из нескольких десятков однообразных кабинетов он передал мне пачку направлений для прохождения ВВК – военно-врачебной комиссии.

– А можно спросить? – У меня, конечно, накопилось много вопросов.

– Пройдете комиссию, все остальное потом, – не поднимая глаз, ответил мужчина.

За несколько дней меня осмотрело столько врачей, сколько не смотрело за всю жизнь. Итогом проверок стало заключение: «Здоров, годен к военной службе в любых климатических условиях».

Здоровье у меня было крепкое. Выполнив в 16 лет КМС по легкой атлетике, я был кандидатом в сборную России по бегу на дистанцию 800 метров. Однако когда пришлось выбирать между спортом и учебой, выбрал последнее, о чем ни разу не пожалел. К тому же ни переломов, ни сотрясений, ничего такого у меня никогда не было. Один из докторов даже сказал: «Вас прям будто кто-то берег для службы».

* * *

– Подполковник Минин, – представился человек, порывисто зашедший в кабинет, где мне было приказано ожидать. – Сергей Анатольевич.

– Здравствуйте, – привстав, ответил я.

– Минуту.

Минин подошел к столу, снял телефонную трубку и нажал несколько кнопок. Я внимательно следил за его движениями и рассматривал своего нового знакомого.

Около 50 лет, многие из зачесанных набок волос уже полностью поседели, ниже меня почти на голову. Глубоко посаженные глаза делали его взгляд спокойным и мудрым. Его фигура хоть и была не идеальной, но белая рубашка сидела на нем как влитая и была будто только-только из-под утюга заботливой хозяйки.

На том конце провода Минину не отвечали. Он недовольно повесил трубку и сел за стол. Будто отключившись от беспокоящих проблем, он поднял на меня глаза и слегка улыбнулся.

– Ну что, Алексей Петрович. Запомнили, как меня зовут?

– Да. Сергей Анатольевич Минин. Подполковник.

– Отлично, тем паче работать нам с вами, я надеюсь, долго. Я буду готовить вас к экзаменам и вести во время обучения.

– Ясно. – Я кивнул головой, хотя мало что понял.

Именно Сергей Анатольевич и стал моим первым инструктором в Главном разведывательном управлении – ГРУ. А в дальнейшем он же стал моим куратором.

В будущем я часто ловил себя на мысли, что мне очень сильно с ним повезло. Мы быстро сдружились. Он относился ко мне с теплом, я к нему – с уважением. Он был немногословен. Причина этому была лучшая из возможных – он не говорил ничего лишнего, все было только по делу. Очень скоро Минин, что называется, «прочитал» меня, и все, что он говорил, помогало мне понять самого себя.

– Знаешь, Леша, бросается в глаза одна деталь, – однажды деликатно начал Минин.

– Что именно?

– По сути, у тебя нет друзей, – проговорил он медленно, вглядываясь в мои глаза.

Я задумался над тем, как лучше объяснить этот момент старому разведчику.

– Ни по сути, ни по содержанию, – твердо ответил я спустя минуту. – Без друзей легче живется.

По лицу Минина нельзя было понять его реакции на мои слова, но меня это не смущало. Он просил искренности, и я честно пояснил ему свою позицию по «дружественному» вопросу.

– Не волнуйся. Тем паче ты не врешь, и это главное для нас, – подбодрил меня подполковник.

– А я и не волнуюсь, – огрызнулся я. Уважительному тону в беседах с командирами мне только предстояло научиться.

– Ты пойдешь вне основного потока.

– Это как?

– Индивидуальная программа: у тебя будет только один сокурсник – ты сам.

* * *

Вообще, кроме утомительной военной комиссии, экзамены проходить мне не пришлось. Мне провели лишь несколько специальных психотестов. Как оказалось, мой интеллект и морально-волевые качества не нуждались в особой проверке. Спустя годы Минин рассказал, что мои «волю и мозги», без моего ведома, протестировали еще во время моей учебы в Тимирязевке.

Спустя месяц меня поселили на конспиративной квартире, где и проходила индивидуальная подготовка.

За те пять лет, что я провел в Китае, я неплохо узнал страну. Теперь я продолжал ее изучать более глубоко и с профессиональным подходом к вопросу. Совершенствовал язык, изучал технические предметы – радиосвязь, тайнопись, работа с микропленками, фотография. Знакомился с агентурными приемами: вербовкой, обнаружением слежки, уходом от нее, гримом...

Разумеется, не забывал химию, углубляясь не только в теорию, но и в практику многих вопросов. Спецтермины на китайском языке давались мне легко, учить их приходилось дуэтом – «китайский – английский». Но эта «зубрежка» занимала много времени. Однако с каждым месяцем процесс обучения становился только легче. Прежде всего в этом мне помогали занятия со специалистами по памяти. Если в начале учебного процесса я мог запомнить за минуту всего 4–5 из идущих подряд 20 слов, то через год занятий легко запоминал 50 и более слов последовательно, при этом легко мог воспроизвести их в обратном порядке. Номера 20–30 машин, стоящих на стоянке, лица, детали интерьера – все это моя память фиксировала легко и безошибочно.

Меня учили обращаться с оружием. Причем с ним я работал на том же письменном столе, где изучал теорию. Различные системы, сбор и разбор на время и вслепую. Стрельбы проходили в тире на стадионе «Динамо» и в Подмоскowie.

Но и после всех обязательных занятий не оставалось ни минуты свободного времени. Разведчику мало вытащить на контакт нужного человека, важно стать интересным собеседником. Поэтому Минин призывал меня расширять кругозор, и мне, ко всему прочему, приходилось успевать читать массу книг на всевозможные темы.

* * *

Плотное расписание занятий помещалось в пять дней в неделю, субботу и воскресенье я проводил с родными и Катей. Разумеется, никто из них ничего о моей новой жизни не знал. Домашним я рассказывал, что отныне работаю в одной серьезной лаборатории, куда меня пригласили после того самого круглого стола. Говорил, что лаборатория располагается в паре сотен километров от Москвы, и нет ни смысла, ни сил каждый день мотаться туда-обратно. Когда поднималась тема моей работы, я обильно сыпал различными сложными терминами. Это всегда помогало скорее завершить неудобный для меня разговор.

Отношения с Катей усложнились. В один из дней я затратил много времени на проверку приобретенных навыков по уходу от слежки и не смог вовремя прийти в кинотеатр. В итоге у кинотеатра, расположенного в торговом центре «Пятая авеню», мы встретились не до, а после фильма. Катя увидела меня, но сделала вид, что не заметила, и обиженно прошагала мимо.

– Кать, ну стой. – Я нагнал ее в два счета. Катя продолжала идти вперед и даже ускорила шаг. – Кать, ну что, мне тебя силой останавливать? Давай поговорим!

– Слышь, отстань от девушки. – За руку меня схватил лысый шкаф – охранник торгового центра.

Я легко выдернул руку и посмотрел в близко посаженные глаза амбала.

– Занимайся своим делом, о'кей? – весьма дружелюбно я предложил ему не лезть к нам.

Я успел заметить возмущенное удивление в глазах охранника и продолжил догонять Катю.

– Послушай. Я не прав в том, что не смог прийти вовремя. Но ты же знаешь, что, значит, на то была причина. – Мы наконец начали разговор, когда стояли у пустующей остановки неподалеку от торгового центра.

– Леш, у тебя всегда есть причина.

– Ну да, просто так ничего не бывает.

– Мы не можем просто так даже в кино уже сходить! Что настолько важного на этой твоей работе? – Катя говорила спокойно, не кричала.

– Вся работа, которой я занимался столько лет, наконец-то приносит плоды, она замечена, признана, понимаешь? И самое главное...

– Молодой человек!

Я обернулся. К нам приближался тот самый охранник, а за ним, казалось, двое его братьев-близнецов – такие же коротко стриженные крупные ребята в классических костюмах.

– Ты там кому попытался место указать?! А?!

Я сделал шаг им навстречу, чтобы Катя оказалась позади меня. Они подошли к нам вплотную.

– Вы просто полезли не в свое дело, – попытался спокойно и деликатно ответить я.

– Это мне решать – где мое дело, а где нет.

– Нет, – заверил я нового знакомого.

– Что нет?!

– Не вам решать. Вы пришли мне это сообщить и друзей своих позвали?

– Как ты меня бесишь! – Амбал выкинул кулак в сторону моего лица, но я легко увернулся.

Катя стояла сзади и испуганно повторяла:

– Не надо, ну хватит! Леша! Не надо! Отстаньте вы от нас!

– Хотите обязательно подраться? – спокойно спросил я.

Вместо ответа он схватил меня за рубашку, но я тут же коротко всек ему по руке, он ее одернул и затряс от боли.

– Держите его! – приказал своим цепным псам амбал.

Я расслабил плечи, втянул шею, согнул руки в локтях и запястьях. Тому, который приблизился ко мне первым, я вывернул руку, остановившись прямо на грани разрыва связок. Не отпуская его, я резко сместился в сторону, где встретил второго, подоспевшего на пару мгновений позже. Его тяжелый медленный удар ногой было очень легко перепрыгнуть, проще, чем через скакалку. Еще находясь в прыжке, я успел ударить ему в солнечное сплетение, а приземлившись, захватил его шею. Катя вскрикнула. Обе моих руки были заняты, когда предводитель моих «пленников» дернулся в мою сторону. Он не учел, что подпрыгивать ногами вперед с опорой куда проще, чем без нее. Поэтому амбал получил простой удар ногами в грудную клетку и осел.

Я ослабил руки – один закашлялся, другой схватился за сустав. К остановке подъехал троллейбус. Я повернулся к Кате и протянул ей руку.

– Наш, идем, – кивнул я в сторону открывающихся дверей.

Мы зашли в троллейбус. Когда тронулись, троица сразу же осмелела и осыпала меня последними словами, которые глухо доносились внутрь пустого транспорта. Мы проехали пару остановок молча. Катя смотрела в окно, ее трясло, я спокойно держал ее за руку.

– Ты меня почему-то пугаешь... – тихо сказала она.

«Я сам начинаю себя пугать», – подумал я про себя. Троллейбус свернул на улицу Народного Ополчения.

* * *

К ситуации, с которой мы столкнулись с Катей на остановке, я был совершенно готов.

В квартирах, в которых я жил во время подготовки, всегда было три комнаты. Одна – для учебы, другая – для занятий физподготовкой, третья – спальня. Комната для занятий спортом была уложена матами, в ней висела груша, имелись гантели и гриф с резиновыми блинами. Занятия по общей физической подготовке и рукопашному бою проводил один и то же инструктор – мужичок среднего роста, лет сорока, с молниеносной реакцией и дикой силой. Звали его Владимир. Встреть я такого в толпе, никогда бы не подумал, что он способен справиться с дюжиной молодых, крепких парней. Он был самым немногословным из всех инструкторов, а если говорил, то только суть: он объяснял механику ударов, контрприемы, указывал на ошибки. Он был мастером СКАРБ – специального курса армейского рукопашного боя.

Тем временем я продолжал иногда подрабатывать в баре. Там мне удавалось совершенствовать навыки, которым обучался уже несколько месяцев кряду. Подмечать детали, считать людей, запоминать разом все заказы. Бармен-разведчик... Кажется, я встречал такое в каком-то кино.

Однажды после занятий по рукопашке я собирался на смену в бар. Мастер СКАРБ Владимир спросил, можно ли в баре, где я работаю, цивильно посидеть. Я дал положительный ответ, уточнив – просто так или по какому-то поводу.

– У меня сегодня день рождения, – сухо ответил он.

Я решил, что заплачу за Владимира сам, поэтому наливал ему «за счет заведения». Одинокий, неприметный, он смотрел в барную стойку и периодически пододвигал стакан в мою сторону. Я знал, что он пьет крайне редко. Я пытался заговорить с ним, но он практически приказал мне работать и не отвлекаться на него.

Драк в этом баре не бывало, но именно в этот вечер традиция нарушилась. Когда в разгар вспыхнувшей потасовки один из посетителей кавказской внешности достал небольшой пистолет, Владимир спокойно встал с барного стула. С поразительным спокойствием, будто он лениво направился в туалет, он незаметно оказался рядом с вооруженным гостем, а еще спустя несколько секунд зачинщики неаккуратно лежали на полу. В этот момент подъехала машина с мигалками. Владимир передал им оружие, натянул кепку и, не сказав ни слова, ушел.

Ко мне подошел наш испуганный менеджер Паша.

– Ты его знаешь?

– Конечно.

– Откуда?

– Так он тут три часа пил без остановки.

– Заплатил?

– Я не стал брать с него.

– Ну и правильно. Пойду, посмотрю по камерам повтор всего этого... – Паша был под впечатлением от увиденного.

* * *

Владимир часто говорил мне, что победа в бою возможна лишь в состоянии покоя. Но об этом я узнал еще в период жизни в Харбине от мастера Гу.

Невысокого роста, вечно исцарапанный и пьяный, мастер Гу приходил к нам в университет несколько раз в неделю, чтобы учить всех желающих ушу. Многие над ним посмеивались, говоря, что ему стоило бы преподавать стиль пьяного. Никто не понимал, почему этот человек, когда-то входивший в десятку лучших мастеров ушу Китая, решил учить боевому искусству студентов-химиков, тех, кого часто называют «ботаниками». Желающих постичь тайны ушу оказалось мало, всего трое ребят с курса. Я был в их числе.

Через пару месяцев энтузиазм двоих улетучился, и наши тренировки с учителем стали индивидуальными.

Занятия проходили прямо на улице, за корпусом общежития, в котором я жил. Из инвентаря у нас были только нунчаки и посох. Он учил меня стилю обезьяны – хоу-цюань. Уж не знаю, почему он выбрал именно этот стиль, может, потому что русских на севере называют «лаомаоцзы» – волосатые обезьяны. А может, потому что я обладал быстрой реакцией, характеризующей этот стиль наряду с внутренней силой, находчивостью и активностью. Хоу-цюань – наследие древней китайской цивилизации, и мастера, владеющие им, считаются одними из искуснейших в ушу.

Мастер Гу также обучал меня тайцзицюань. Это динамическая гимнастика, искусство концентрации жизненной силы, позволяющая достичь гармонии между телом и разумом. Мы с ним рассматривали гимнастику как элемент медитативной практики. Мастер много рассказывал о философии боя, больше внимания уделяя тренировке духа через медитацию. Он часто повторял пословицу: «Силу побеждает техника, а технику – дух». Дух – это и есть основной источник силы и энергии человека. Тренировать нужно именно его, а не физическую силу. Мастер категорически запрещал мне драться. Говорил, что в драке можно случайно поймать перо в бок или пулю, но страшно даже не это. Страшно то, что можно самому, не рассчитав силы, ударом расколоть кому-то череп. Признаться, невзирая на это, я по-прежнему не пропускал ни одной драки. Мастеру об этом я, конечно, ничего не говорил.

Драки обычно происходили на вечеринках, которые закатывал мой сокурсник по Харбинскому университету Пэн Сяодэн. Я называл его «Пушкин». Все дело было в прическе: у 99,99 % китайцев прямые черные волосы, но у Пэна они были вьющиеся, и когда я показал ему портрет великого русского поэта, он рассмеялся и сказал: «Я – Пушкин!»

Меня из-за моих научных увлечений он называл «Гербицид». И вот Гербицид с Пушкиным иногда после занятий вместе ходили гулять в Харбинский центральный парк имени Сталина. Его строили в 1953 году и называли Прибрежным парком, но вскоре переименовали в парк Сталина. Это было неким свидетельством дружбы двух коммунистических держав. Пэн был ленивым пофигистом, поэтому мне не удалось заразить его рассказами о занятиях с мастером Гу.

Я же усердно занимался с учителем два года и достиг очевидных успехов. Но однажды по моей вине все закончилось. После занятий мы с ним продолжали обсуждать какое-то новое движение. Вдруг на обочине тротуара я увидел несколько небрежно валявшихся кирпичей. Я и раньше интересовался, может ли учитель бить кирпичи, но в этот раз, схватив один, попросил его продемонстрировать свою силу. Мастер отказывался. Я уговаривал. Не выдержав моего натиска, он сказал: «Я уже два года учу тебя, ты должен мне верить. Готов показать тебе, что могу, но тогда мы расстаемся навсегда».

Я по глупости согласился, думая, что он блефует. Взяв пару красных кирпичей, он положил их один на другой в ладонь левой руки. Продолжая держать левую руку с кирпичами на весу, он с небольшого замаха разбил их на несколько крупных кусков кулаком правой. Страхнув с руки кирпичную пыль, он снял висящую на дереве куртку, попрощался и ушел. Он сдержал свое слово и больше не приходил, а мои поездки к нему домой и уговоры не принесли результата.

Мог ли я тогда представить, что все мои поступки и выходки уже были под наблюдением?

* * *

Теперь, спустя несколько лет, когда шел очередной месяц обучения, я сидел на конспиративной квартире и читал книгу о пистолетах китайского производства и моделях, стоящих на вооружении армии Китая. Вдруг, без предупреждения, меня навестил мой ведущий.

С собой у Минина был тяжелый полиэтиленовый пакет. Перекинувшись парой фраз, мы сели за кухонный стол. Он достал из принесенного пакета две толстые папки и пододвинул их ко мне. Я открыл и узнал того, кому было посвящено их содержание, – это было персональное досье на меня. В него поместилась вся моя жизнь, весь я – проанализированный и изученный вдоль и поперек. Я не был удивлен, понимая, что иначе нельзя, и не испытывал иллюзий обмануть людей, которые собирали это досье. Мой куратор предложил внимательно ознакомиться с содержимым и задать вопросы. В досье было даже то, что тщательно мною скрывалось.

Например, в юности, когда мы с семьей жили в Хабаровске, у нас бывали непростые времена. Тогда многие жители Дальнего Востока ездили в Китай, закупали там товар, возвращались и перепродавали его с существенной наценкой. Мне было 14 лет, когда я впервые рванул в такой тур. Часть закупленного в Поднебесной товара я продавал одному мужику, который держал где-то в Хабаровске торговые палатки и имени своего мне никогда не называл. Меня он называл просто «малой». А в этой папке было четко написано его имя: Немыкин Павел Александрович.

Меня заинтересовал раздел «Функциональные особенности»: что и как увидели те, кто наблюдал за мной в течение длительного времени. В разделе было всего семь пунктов: походка, жестикация, мимика, улыбка, голос, речь и динамика кожи (изменение ее цвета и потливость). Очень познавательные наблюдения. Оказывается, я обращал на себя внимание тем, что мог за тридцать минут беседы всего раз посмотреть в глаза собеседника, а иногда, наоборот, смотрел в глаза так долго и неотрывно, что смущал визави. Мне предстояло глубоко изучить собственные особенности – это было нужно для одурачивания контрразведки врага.

* * *

В Тимирязевке я появлялся раз в два месяца. Моя жизнь круто изменилась. Постоянные занятия, новые знания, новые эмоции и, как итог, новый взгляд на все происходящее вокруг. Я менялся на глазах. Важную роль в моей подготовке играли разговоры с Сергеем Анатольевичем.

Минин навещал меня раз в неделю. Мы обменивались впечатлениями, он интересовался моими успехами. Чем дальше, тем больше я понимал, что меня готовят к серьезной работе. Однажды у нас состоялся необычный разговор.

– Леша, знаешь, большая удача, что мы работаем вместе, – начал он. – Краснов, тот, что тебя завербовал, специалист экстра-класса. Мы тебя практически вырвали у СВР.

– Служба внешней разведки? – уточнил я.

– Да, у нее, политической разведки, – пояснил Минин.

– Странно.

– Почему странно? – поинтересовался Сергей Анатольевич.

– Да потому что в 16 лет, когда я поступал в школу милиции...

– Тебя не взяли. Я знаю, – перебил он.

Прошло уже полгода, как меня завербовали, но я до сих пор не мог привыкнуть, что обо мне все знают.

– Леш, милиция, ФСБ, разведка – это все не одно и то же, – продолжал Минин. – Перед нами стоят разные задачи, и люди под эти задачи нужны тоже разные. Тем паче пара уголовных дел, в которые ты по молодости вляпался, для милиции были основанием тебя не брать. Для нас же люди с таким темпераментом бывают незаменимы.

– Милиция не взяла, а в разведке нарасхват?

– Алексей, шутки шутками, но суть в том, что, возможно, на тебя еще выйдут люди из СВР. Ты не иди с ними на контакт. Их методы просты: сулить золотые горы, высокие зарплаты, соцпакет, статус. Для себя знай: наш статус не ниже любой спецслужбы, а деньги и всякие льготы у тебя будут и так. Парень ты не глупый, сможешь многого добиться. Пока ты будешь в заграникомандировках, мы позаботимся о твоих родных: для родителей оформим льготы, посмотрим за теми, кто тебе близок. Все согласно постановлению Совмина СССР, которое действует, между прочим, до сих пор.

– Спасибо.

– Тебе нужно было овладеть навыками, позволявшими незаметно жить и работать, добывая секретные сведения. Работай спокойно и, самое главное, обо всем докладывай. Обо всем – это значит: работа, личная жизнь, все контакты, даже если кажутся случайными, – пояснил Минин.

– И даже...

– Про случайные любовные связи особенно, – снова перебил он, прочитав по глазам мой вопрос. – Работа у нас такая. Мелочей не бывает. Мы тебе доверяем, но ты должен всегда и во всем быть честен с Центром. Ты понял? – спросил Минин, глядя мне прямо в глаза.

– Понял, – четко ответил я.

Мы попрощались.

* * *

В тот день я плохо спал и проснулся еще до рассвета от лая собаки за окном. Я заварил чай и смотрел в окно на то, как медленно просыпается город. Анализировать вчерашний разговор с Мининым не было смысла, все сказанное им было, как всегда, четко и ясно. Но не думать об

ответственности, которую на меня возлагали, было нельзя. Я посмотрел во двор на неумную собаку, которая, кажется, боролась со своими демонами.

Как уже стало ясно из истории про солдатику-разведчика, в детстве я мечтал о собаке. Но эта тема зарубалась на корню – отец уже тогда то ли впрок, то ли чтобы я не расслаблялся, называл меня безответственным и обалдуюем.

Как-то мы с мамой отправились на рынок за продуктами, тетрадями и другой канцелярией к первому сентября. Когда я засмотрелся на ручку с цветными чернилами, из-за прилавка раздался скромный рык. Мама, отсчитавшая нужное количество одинаковых зеленых тетрадок, подошла к продавщице. Я попытался заглянуть за прилавок. Милая женщина-продавец заметила мой интерес.

– Щенок там у меня. Прибился, не успела еще отнести к этим, которые животиной торгуют. – Продавщица наклонилась и подняла неуклюжий комок, резво вертевший головой в разные стороны. – Возьмете?

– Мам! – Не отрывая глаз от щенка, я вложил в эти три буквы все свое желание.

– Папа прибьет нас. Прежде всего меня, – ответила мама, но не удержалась сама и спросила: – Можно почесать его за ушком?

– Да я вам так отдам, за самую маленькую монетку. Чтобы у нас велось и у вас не свелось. – Продавщица сказала традиционную фразу. Не успела она договорить, как я уже протянул имеющуюся у меня монетку в 15 копеек.

«Жизнь удалась, и более ничего не имеет значения» – с таким выражением лица я тащил этого щенка домой. Я дал ему имя Мандел, в честь Нельсона Манделы. Отец живо интересовался политическими новостями и каждый раз, смотря новости про Манделу в программе «Время», говорил: «Мандел – это хорошо, Мандел сможет».

Известное дело, что не все щенки остаются маленькими... Но мы сорвали с мамой джекпот! Мандел был щенком алабая – среднеазиатской овчарки, вес которой мог достигать 80 килограммов.

Отец не стал устраивать скандал, он спокойно заявил, что мы рехнулись, объяснил, что эта собака скоро вырастет больше нашей квартиры, и не забыл приплести то, что ответственного хозяина из меня еще не выросло и мне нужно научиться для начала отвечать за себя.

Решение судьбы Мандела было ненадолго отложено. Он ночевал в моей маленькой комнате рядом с кроватью. Иногда он начинал скулить, тогда я вылезал из-под одеяла, садился рядом с ним и начинал его успокаивать – гладить, чесать и шепотом объяснять, что если он будет шуметь, то нас разлучат.

И хотя мне удавалось успокаивать его ночами напролет, нам все же пришлось расстаться. Мандела увезли жить к бабушке на дачу. Мы виделись с ним очень редко. Там он и прожил всю свою долгую жизнь. О его смерти я узнал в первый месяц обучения в ГРУ.

Глава последняя

Время: 2011 год

Место: неизвестно

...Меня хотели сломать психологически, а не физически. Это я понял сразу. Держа мозг в постоянном напряжении, я не давал сознанию отправиться в свободное плавание. Главное для меня было – не сойти с ума и сохранить адекватность.

Только что замученный на моих глазах человек, застреленный в кадык, был вторым по счету. До него был бедолага, которому разрезали брови.

Голыми нас посадили напротив друг друга, загнули ноги под сиденья стульев и крепко привязали. Расстояние между нашими лицами было не больше 15 сантиметров, так что я чувствовал зловонный запах, идущий изо рта этого китайца. Пара крепко сбитых палачей стали плотно сжимать руками снизу вверх его ноги, потом туловище, медленно поднимая его кровь к голове. На уровне, где начиналась грудная клетка, плотно завязали жгут, придав телу форму восьмерки. Верхняя часть тела жертвы стала быстро краснеть, а через пять минут ему надрезали брови, и фонтан крови забрызгал мне на лицо и плечи. Китаец орал, увеличивая артериальное давление и заливая меня своей кровью. Умер он быстро. Мое голое тело было полностью покрыто его кровью. Меня связали и снова бросили в «каменный мешок» с крысами. Всего за время допросов меня бросали туда 13 раз. И с каждым разом я был все слабее и слабее...

Глава III. «Консервация»

«В древности, когда поднималось царство Инь, в царстве Ся был И Чжи; когда поднималось царство Чжоу, в царстве Инь был Люй Я. Поэтому только просвещенные государи и мудрые полководцы умеют делать своими шпионами людей высокого ума и этим способом непременно совершают великие дела».

Сунь Цзы. Глава XIII. Использование шпионов

Время: 2004 год

Место: Москва

– Ты как, пап? – Когда город проснулся и наращивал шум, я решил набрать отца.

– А чего это ты вдруг решил справиться обо мне?

– Пап, не начинай. Я всегда волнуюсь за тебя и за маму.

У нас с отцом всегда были непростые отношения. Его методы воспитания очень тщательно скрывали его любовь ко мне. Я любил его сильно и безоговорочно, но форма нашего общения практически никогда не давала этому проявиться.

– Не зря, что ли, говорят... – Отец вдруг замолчал.

– Что говорят? – Я почувствовал его волнение.

– Что родственники на расстоянии что-то чувствуют. Или ты по делу какому-то звонишь?

– Да просто так звоню, пап, говорю же.

– Представляешь... У меня Паркинсон.

Я не раз слышал о болезни Паркинсона. В основном, конечно, потому, что ею страдали известные люди: Мохаммед Али, Иоанн Павел II, Сальвадор Дали. В разных источниках я читал о том, что эта болезнь преследовала и Адольфа Гитлера.

Я сразу позвонил в Хабаровск дяде Илье – знакомому медику нашей семьи, как раз неврологу, и попросил рассказать о Паркинсоне.

– А сколько отцу сейчас? – спросил он.

– 54.

– Ну, чаще попозже, конечно, начинается...

– Она лечится? – Это был мой главный вопрос.

– Паркинсон медленно и неуклонно прогрессирует. Существует множество способов и вариантов тормозить его развитие и облегчить его течение. Но, увы, Леш, он неизлечим.

– Какие лекарства, что самое современное? Может, что-то иностранное достать?

– Медикаменты нужно начинать принимать как можно позже. Надо пробовать физкультуру, нагрузки. Есть еще вариант с операцией.

– Расскажите.

– Это тоже позже, на следующих этапах, и напрямую зависит от результатов работы медикаментов. Это ГСМ, хирургическим путем...

– Что такое ГСМ? Можете нормально объяснить?!

– Глубокая стимуляция мозга. Не нервничай на меня, Леш.

– Ну как не... извините. Ну и?..

– Помещают хирургическим путем в мозг электроды, они генерируют импульсы на нужные участки. Но это потом, сейчас можешь не вникать в это.

– А сейчас что делать?

– Прежде всего успокоиться и успокоить всех близких. А дальше надо разобраться, какие анализы проведены. Ну и по возможности нужно в хорошую клинику, а если нет возможности...

– Есть возможность, а если нет – то будет. Спасибо большое, я, если что, буду звонить, можно?

– Конечно. Но лучше смотреть на разницу во времени, – усмехнулся дядя Илья.

– Черт! А сколько...

– У нас пять утра...

– Первый раз в жизни не подумал.

– Все нормально, Леш, я понимаю.

Сколько же хороших людей в нашей стране – тот же дядя Илья... Мужик с мизерной зарплатой врача сохраняет такую бодрость, доброту, открытость.

Мы попрощались. Я подумал о том, как непросто будет уговаривать отца делать все то, что необходимо, о том, насколько эта болезнь, которая будет постепенно делать его все беспомощнее, страшна для него: самостоятельного, сильного и гордого мужика. Я немедленно поехал к отцу.

* * *

Во время учебы я четко уяснил важный момент: секретные данные могут считать с мозга владельца, то есть с мозга разведчика, как с компьютерного «винта». Причем методы работы спецслужб всего мира в этом плане похожи. Если агента допрашивают, то используют при этом не детектор лжи (знаменитый полиграф, прибор прошлого века, который может обмануть любой мало-мальски подкованный вун), а компьютерное сканирование мозга. Датчики при таких «процедурах» работают как тепловые видеокамеры, снимая не только реакцию головного мозга, но и другие параметры тела. Так проверяют и схваченных шпионов, и перебежчиков – тех, кто вызвался работать на вражеские спецслужбы добровольно. Зная об этом, шпионов к такой процедуре готовят особенно тщательно. Любая важная информация, добытая разведчиком, четко откладывается в голове. Ее и хотят заполучить контрразведчики, при допросах вытаскивая ее из подкорки, используя сыворотку правды. Иными словами, психотропными препаратами, которые помогают извлечь ценные сведения из самых глубоких участков мозга.

Методов накачивания допрашиваемого психостимуляторами существует множество: например, их добавляют в воду, искусственно вызывая состояние жажды. При силовых допросах – вкалывают. Можно «накурить» через сигареты, играя в добрых и злых полицейских. Можно «надуть» через ингалятор – платок или тряпка, и объект, вытираясь, вдыхает хитрое вещество. Или же просто впрыском в помещение, где находится допрашиваемый.

Но есть опасность, что человек просто сойдет с ума или умрет. Известно, что на первых допросах с применением LSD люди погибали, выбрасывались из окон или с размаху разбивали голову о ближайшие острые углы.

Для того, против кого направлен препарат, не важно, каким образом его мозг отправят в бессознательное плавание. Важно одно – не выдать правды. И здесь определяющую роль играет процесс запоминания и работа с памятью. То, что мозг уложил в качестве важной информации, нужно «накрыть». Грубо говоря, наложить на запомнившийся пласт информации что-то более значимое. Если это удастся, то, когда на допросах будут вытягивать секреты, погружаясь глубже в дебри шпионской памяти, – искомое проскочит.

Такая техника «консервации» секретной информации была впервые разработана и опробована в Советском Союзе в 1983 году. Имя психиатра, автора этой идеи, до сих пор скрыто. После распада СССР этой методикой завладели американцы, а затем и многие другие разведки мира. Эффективность применения техники «консервации» зависела от психофизических осо-

бенностей человека. Для усиления работы метода требовалась регулярная подкачка мозга стимуляторами замедленного действия. Звучит страшно, а в итоге – банальный укол препарата в задницу. На начальной стадии работы я проходил такие «апгрейды» каждые 24 месяца, потом укол нужно было делать раз в 36 месяцев. Эффективность метода работы «по закапыванию фактов» в памяти я узнал еще во время учебы.

* * *

Возвращаясь на конспиративную квартиру в районе станции метро «Свиблово» (в период обучения у меня их было несколько, по очереди в разных районах Москвы) с пакетом продуктов, я почувствовал опасность. Внешне все было как обычно, вокруг не было ничего подозрительного: ни людей, ни машин – ничего, что должно было насторожить. Ведомый интуицией, я прибавил шаг и быстро вошел во двор дома, где жил. Чувство тревоги и опасности не покидало. Переложив пакет с продуктами из правой руки в левую, зашел в подъезд своей девятиэтажки. Боль от укола – последнее, что я запомнил.

Придя в сознание, я услышал китайскую речь. Разговаривали двое. Нужно было быстро оценить обстановку. Я был привязан к ржавому, металлическому стулу буро-рыжего цвета. Тело леденело. Руки плотно зафиксированы за спиной. От вони свербил в носу. Окон нет, из мебели, помимо стула, только стол, как раз передо мной. Посторонних звуков не слышно. Первая мысль – что я в камере для допросов. В полумраке разглядел очертания двоих сидящих за столом напротив друг друга мужчин. Это были здоровые парни азиатской наружности. Почему-то мне показалось, что это были не китайцы. Вроде глаза раскосые, лица китайские, речь китайская, не подкопаешься, но что-то в них было не то...

Я запомнил точно – они «эркали». Северные китайцы часто добавляют частицу «эр» к отдельным словам. Избавиться от такого каркающего акцента северянам сложно. Я знал иностранцев, которые перенимали этот фонетический прием, чтобы в разговоре больше смахивать на знатоков китайского языка.

Я продолжал изучать ситуацию. На сидевших у стола китайцах была надета военная форма НОАК (Народно-освободительной армии Китая) старого образца, но почему-то без погон и петлиц. Форма на одном из них была на пару размеров больше, а на другом, наоборот, меньше. Внешне выглядело так, будто люди впервые надели военную форму и не имеют представления о военной выправке и подтянутости.

Я чувствовал слабость. Решив проверить, насколько плотно я привязан, дернулся.

– Проснулся? – спросил по-китайски один из сидевших за столом.

– Добро пожаловать на службу, – приподнимаясь, сказал второй.

– Весь полет проспал. Что, так устал, что ли? – пощечиной познакомился со мной первый.

Я решил назвать его «Ли» – одной из самых распространенных китайских фамилий. Его несуразный вид выдавал в нем вышибалу или грузчика. Если бы нужно было заполнять в его досье графу «особые приметы», стоило бы написать: «ладони». Огромные, толстые ладони размером с пятилитровый таз...

– Какой полет? Кто вы? – выдавил я из себя, попытавшись пошевелить пальцами рук.

– Ты в Пекине, твою мать. Там, где ты и хотел оказаться! – заорал Ли.

– Я не хотел в Пекин, – ответил я, снова пытаюсь пошевелить пальцами и не понимая, что за парни передо мной и про какой Пекин они толкуют.

– А где ты хотел быть? В Москве? Дома? – не унимался громила.

– Да, – ответил я.

– Подтверждать будешь? – как из могилы произнес второй, вставший у меня за спиной.

Я не очень хорошо его разглядел, поэтому он остался без имени.

– Что подтвердить?

– То, что ты сейчас наговорил! – снова заорал Ли, ударив меня ладонью наотмашь.

– Буду. Конечно, буду, – сказал я. – Только давайте разберемся, кто вы и что вам нужно. Я в магазин ходил.

Я почувствовал, как при слове «магазин» тот китаец, что стоял у меня за спиной, отошел еще на несколько шагов. Я услышал шелест. Не было сомнений – китаец рыскает в пакете, с которым меня взяли. По звукам я понимал, что он достает. Китаец вытаскивал продукты в порядке обратном тому, в котором я их складывал туда на кассе супермаркета.

– Нас обманывать нехорошо! – тоном победителя произнес второй, появившись передо мной с круассаном в руке.

Странно. Ни один китаец не взял бы из какого-то пакета какой-то неведомый ему круассан...

– Я не знаю, кто вы, оставьте меня в покое, – начал я.

– Издеваешься? – проговорил тот, который уже кушал мой круассан.

– Парни, тут такое дело, – стал я говорить по-русски. – Я вас не трогал, и вы идите лесом. Вот ты зря скушал круассан. Пока мы летели до Пекина, он испортился, – сказал я голодному человеку. – Вы, ребята, обосрались, и мне жаль, что такие бакланы работают в вашем ведомстве. С такими друзьями – врагов не надо, ей-богу.

– Волосатая обезьяна, ты думаешь, мы дураки? – заискивающе спросил Ли на китайском.

Резко вынув шприц, он вколол мне его в шею. Снова в шею, подумал я... Снова в шею...

* * *

– Не переживай, Пинуй, ты дома, – прозвучал голос из бездны.

Я очнулся и увидел чье-то улыбающееся лицо.

– Ну, ты начудил. Где пропадал-то? Мы тебя ищем, ищем, а ты тут сидишь, довольный, – сказал мне какой-то незнакомый человек с черными длинными волосами прямо на лице. Правой рукой я дотронулся до этих волос, пытаюсь погладить. Мне было его жалко: почему у него такие волосатые пятна на самом видном месте?

– Зачем ты меня бил? Ты страшный... – пожаловался я тихо волосатому.

Резкий звук собственного голоса чуть не разломил мне череп. Раздался еще один глухой звук, и передо мной появился голый человек, а волосатый, превратившись в таракана, убежал к железному столу, за которым была тьма, поэтому я не увидел точно, куда он делся. Я даже не успел ему сказать «пока». Вдруг мне захотелось изобразить телом какую-нибудь необычную форму. Хотелось показать убежавшему человеку-таракану цифру 761. Почему именно эту цифру?

– Мрьян, здравствуйте. Я ваш новый инструктор, меня зовут Вадим Александрович, – сказал голый.

– Я вас не знаю, – сказал я. – И я не Пинуй и не Мрьян.

После этого мой собеседник стал стремительно покрываться волосами, как и тот, что стал тараканом. При этом он зазывал кого-то на неведомом языке. Я подумал, что это язык майя.

Одновременно с этой мыслью в помещении появилась большая крыса. От страха я онемел. У меня на теле начали появляться мурашки, и их рост никак не останавливался. Скоро каждая стала размером с божью коровку, им стало тесно на моем теле, и они начали разлетаться. За считанные секунды на мне не осталось ни кусочка кожи и мяса... Я сидел в одних костях. Я хотел приказать костям кинуться за улетающими мурашками, но у меня не было рта, он стоял отдельно на моем черепе. Вдруг крыса приказала, чтобы я не боялся, напугав меня еще больше. Откуда она меня знает? Нет, она меня не знает, она просто сказала так, как будто знает, успокаивал я себя. Пошекетав меня усами, крыса прыгнула на потолок и прилепилась к нему животом. Крысы странно устроены: при внезапном шуме или щелчке ловят паралич. Их

тельца на доли секунды замирают в том состоянии, в котором их застал звук. Потом они как бы передают этот страх земле, подпрыгивая на сантиметр, а иногда и на два. Странная крыса... Почему она прилепилась к потолку? Я понял. Потому что она очень большая. Я раньше не видел таких крыс. Может, очень больших крыс подбрасывает на потолок? Может, она полетела, чтобы сожрать мои мурашки? А как же кости? Надо что-то придумать, я без мурашек не смогу вернуть на место свой рот. С одними костями тело жить не может – это очевидно. Я хотел что-то сказать, но снова не смог. Взяв костлявой кистью свой рот с черепа, сказал крысе, убежавшему куда-то таракану и голому человеку – Вадиму Александровичу:

– Все, я пошел к Сереже, у нас с ним была назначена встреча. Верните мне мои мурашки, пожалуйста.

* * *

Открыв глаза, я увидел веревки на теле. Я был привязан к тому самому ржавому стулу, что и несколько минут назад. А может, не минут? Меня привезли в Китай – это я помню, но как и почему я тут?

– Нам все известно. Говори! – вывел меня из прострации несильным ударом в челюсть тот, которого я прозвал Ли.

Нужно было снова сканировать ситуацию. Итак, почему он бьет не сильно? Мой взгляд наткнулся на царапину. На ней запекшаяся кровь. Я часто дрался и знаю, как выглядит кровь, и знаю, через какое время она осыпается. Кровь запеклась, но не осыпалась после перелета. Парни говорят на харбинском диалекте. Они похожи на горилл, почему? Я вспомнил круассан. Это не китайцы. Точно не китайцы.

– Ты все рассказал уже. Тебя застрелить? – надменно и грубо спросил Ли.

Мне стало страшно. В голове какая-то каша – какие-то остатки галлюцинаций бегали по сознанию, не отпуская его в реальность.

– За что?! – крикнул я по-китайски.

– Прощай, – ответил Ли, и они оба вышли.

Как прощай? Меня окутал страх, я не понимал, что происходит, что и кому я наговорил и как вообще сюда попал. Мне стало холодно и хотелось пить. Руки затекли, и тело ныло. Мои мысли были размазаны, мне хотелось привести их в порядок, но это получалось с трудом. Мучила жажда, и я заорал изо всех сил:

– ПИИИИИИИИИИИИИИТЬ!

За моей спиной раздался звук, издаваемый дверным засовом. Я не мог оглянуться, поэтому просто выдохнул в ожидании того, что случится дальше.

Дальше прозвучал выстрел...

* * *

Я очнулся.

– Леша, здравствуй, – услышал я голос Минина.

– А вы молодец, Алексей, стойко держались, – раздался, как звук падающей на камни гильзы, голос Доктора.

Методику консервации памяти мне преподавал седой дед, которого мне представили без имени, просто «Доктор». А меня ему как Алексея, и не больше. Никто из тех, кто со мной работал – ни доктора, ни преподаватели, ни инструкторы, – не знал про меня ничего настоящего.

– Правда, молодец, Леш, иди сюда, – пригласил Сергей Анатольевич.

Только сейчас, освободившись от пут, я понял, что это была очередная проверка на вшивость, страшная, но закаляющая и тело, и дух. Я не был ни в каком Пекине, все происходило в

Москве. Та крыса, прилипшая к потолку, голый человек с волосатым лицом и таракан остались верными слугами моего сознания навсегда.

– Теория для теоретиков, а мы – практики, – произнес Доктор, разливая по рюмкам водку.

Я сидел на месте, где до этого был Ли. Скамья холодная – его задница ничуть ее не нагрела.

– Твой мозг в бессознательном состоянии не выдает никакие секреты, их как бы не существует в твоей голове, – сказал Доктор, и мы, чокнувшись рюмками, выпили.

– Вода? – с изумлением спросил я.

– Да, Алексей, вода. После таких стрессов с алкоголем нужно повременить, – сказал Доктор, расплываясь в улыбке.

– Если меня будут прессинговать подобными методами, что я буду говорить? – с интересом спросил я.

– Твои сегодняшние воспоминания будут для твоего мозга самыми яркими в бессознательном состоянии. Под действием любых транквилизаторов, LSD или каких-то других психотропных препаратов ты будешь всегда видеть одну и ту же картину... Теперь тебе не стоит этого бояться.

– Ясно. А если я с ума сойду? Такое возможно? – задал я вопрос и Минину, и Доктору.

– Нет, это невозможно. – Доктор смотрел в глаза и был весьма убедителен.

Здесь, в этой холодной камере, где только что мое сознание программировали от «взломов», здесь, где меня каждый день учат врать и пользоваться людьми, взгляд в глаза, конечно, не является гарантией правды. Доктор соврал, ему соврали, все кругом врут, и для того, чтобы отличать правду ото лжи, нужно было постоянно развивать интуицию и чутье.

* * *

После окончания Российского государственного аграрного университета им. Тимирязева и школы ГРУ мне присвоили звание старшего лейтенанта и приписали к третьему управлению – страны Азии.

Разговор о моем будущем состоялся в кабинете Владимира Георгиевича Никифорова – генерала, курировавшего в ГРУ закордонную работу. Несмотря на возраст (Никифорову было около семидесяти), он выглядел прекрасно. От него – высокого, с твердой спиной и сухим, жилистым телом – исходила мощь, и, конечно, за его широкими плечами чувствовался колоссальный опыт. Мы с Мининым сидели за столом напротив генерала. Сначала Владимир Георгиевич похвалил за отличную учебу, дал понять, что я нужен ГРУ, и подтвердил то, что меня хотят отправить работать в Китай. Генерал моментально считал сомнение в моих глазах.

– Послушай, – сказал Никифоров. – Я знаю, что у тебя болен отец. Знаю, что у тебя есть девушка. Но если отбросить эмоции – болезнь твоего отца может длиться и 10, и 15 лет. Нужны будут деньги. Ты не забывай, что мы не только просим тебя служить на благо страны, но и будем щедро оплачивать твою работу. Ты когда-нибудь задавался вопросом о том, сколько у тебя вариантов стать обеспеченным человеком с твоим образованием? И вообще о том, кем ты будешь?

– И я задавался, и мне задавали...

– Твоя любимая учится, у тебя нет ничего, кроме комнатухи в общежитии. А так ты сможешь сейчас выстроить базу для вашего будущего, помочь отцу легче перенести болезнь.

– Логика в ваших словах, товарищ генерал, конечно, есть...

– Ну хоть на этом спасибо, – усмехнулся Никифоров.

– Ну Назаров... – пробурчал недовольный моей наглостью Минин.

– ...но я нужен им рядом, – продолжил я. – Родителям поддержка, Кате – мужчина.

– Ладно, Алексей, давай начистоту. – Никифоров резко сменил тон на серьезный. – Для себя ты решил, что хочешь этим заниматься, сразу. И ты это прекрасно знаешь. Мы бы не занимались уговорами, если бы не были уверены в том, какой ты человек и что подобная служба придется тебе по душе. И главное, хоть это звучит и очень высокомерно, но ты сейчас действительно нужен стране. Второго человека, обладающего набором твоих знаний и навыков, просто нет.

– Хотите сказать, что это мой долг?

– Если ты так чувствуешь, то – да. Как говорил Николай Константинович Рерих: «Защита родины есть защита своего достоинства».

Повисла тишина.

– Ну что мы тут в рюшечки играемся, Назаров? – вздохнул генерал.

– Я с Родиной.

С легкой улыбкой Никифоров перевел взгляд на Минина:

– Минин, вы почему его не научили думать быстрее?

– Думать быстро он и сам умеет. А быть порядочным человеком мы его не отучали.

– Ясно. Не волнуйся, первая командировка меньше чем на год. Готовьте документы. Послезавтра рейс.

* * *

Мы провели ночь с Катей. Утром, когда я провожал ее до университета, я сообщил ей о командировке. Она посмотрела мне в глаза. Погладила внешней стороной ладони по небритой щеке. Снова повисла тишина. Как-то слишком высокий концентрат этих тяжелых молчаливых пауз на отрезок времени, ей-богу! Катя коротко поцеловала и улыбнулась.

– Добегу сама, ладно? – Она сказала это с наигранной легкостью и поспешила в сторону учебного корпуса.

Я смотрел, как ее волосы развевались, а рука периодически трогала лицо в области глаз.

Дома я встретил отца в отличном расположении духа. Было видно, что он не врал, когда говорил, что хорошо себя чувствовал.

– Не отпускает оболтуса Китай! – Отец сообщил новость вернувшейся с магазина маме.

Мы на редкость тепло поболтали, и родители засобирались спать.

– Ты в баре-то рассчитался? – мимоходом спросил отец. Я хихикнул. – Ну вот, а говоришь, стал взрослый и ответственный!

Мой товарищ, менеджер бара Паша, сказал, что без проводов меня не отпустит. А я был и не против – той ночью мне все равно было не уснуть.

Мы сели с ним на Котельнической набережной. Трагедия, произошедшая в Беслане несколькими днями раньше, стала главной темой наших разговоров. Обсуждая этот ужас, мы перешли к внутренней политике. Затем – к внешней. Я думал о том, что счастлив стать тем, кто может помочь сохранности жизней людей своей страны.

По пути домой я зашел в магазин, алкогольный голод – штука беспощадная. Пряники со сгущенкой – вот то, по чему я буду скучать. Рядом продавалась китайская лапша. Я решил долго на нее не смотреть.

Я сидел у подъезда во дворе дома родителей и один за другим в два укуса поглощал пряники. По двору пронесся звук метлы дворника, поднявший в воздух первые осенние листья и разбудивший несколько птиц.

Глава IV. «Гид»

«Когда хочешь ударить на армию противника, напасть на его крепость, убить его людей, обязательно сначала узнай, как зовут военачальника у него на службе, его помощников, начальника охраны, воинов его стражи».

Сунь Цзы. Глава XIII. Использование шпионов

Время: 2004 год

Место: о. Хайнань

14 сентября 2004 года я прибыл в аэропорт «Феникс» города Санья. В дороге я читал об этом городе. Интересно, что у Санья три побратимых города: Ялта, Хабаровск и Канны. Отличный набор!

Спустившись всего на несколько ступенек по трапу, я взмок, будто подбавил жару в добротной бане. Стояла дикая жара, воздух был невообразимо влажным – тропики.

Итак, мое прикосновение к профессии разведчика состоялось на острове Хайнань, в самой южной провинции Китая. Сюда я прибыл под видом менеджера туристической компании.

Место работы подыскал себе сам. В этом, как, впрочем, и в других аспектах, у меня был полный карт-бланш. Основная задача моей командировки заключалась в закреплении и совершенствовании знаний и выработанных навыков.

Я был налегке. Без спецсредств, оружия и других шпионских приблуд. На экстренный случай у меня в голове был лишь пятизначный номер, который мне продиктовали перед поездкой. В случае непредвиденных ситуаций я мог позвонить в любое дипломатическое ведомство России в любой стране и, назвав его, получить максимальное содействие. В самих ведомствах не знали, кто именно скрывается за этими цифрами, им нужно было просто следовать инструкциям.

На первых порах мне предстояло адаптироваться, завязать знакомства, погрузиться в среду. Я быстро устроился на работу, благо наплыв туристов из России увеличивался и турфирмам был нужен гид-переводчик.

* * *

Я много и плодотворно трудился в новой для себя должности. Брался за самую разную работу: встречи и проводы, размещение в гостиницах, проведение экскурсий, оформление разных отчетов. В дела вливался быстро и скоро, освоив туристические маршруты уже имевшихся экскурсий, предложил руководителям несколько новых. Например, восхождение дикими тропами на главный символ Хайнаня – гору «Пяти пальцев». Спустя несколько месяцев уже делился опытом с китайскими коллегами – для них я разработал тренинги, направленные на повышение качества обслуживания туристов.

Отдохнуть на Хайнань прилетали разные люди: и работяги, и артисты, и бизнесмены, и бандиты. Несмотря на социальные отличия, все были схожи в одном – в требовании высокого уровня обслуживания и максимального внимания к себе. Гиды – китайцы, мало представлявшие, что такое сервис, часто попадали в передраги, разруливать которые приходилось мне.

В феврале 2005-го на отдых прилетели четыре бравых мужичка из Салехарда. Понтов уйма, все вокруг им все должны, планка завышена даже в сравнении со столичными гостями.

Сотрудница нашей фирмы, китаяночка, повела их в ресторан морской кухни. Кто-то сказал гостям из Салехарда, что морепродукты на острове стоят копейки, и они решили шикануть. На радостях мужчины ударили по алкоголю и, конечно, лобстерам. Пили-ели несколько часов, а когда попросили счет, им сказали: 3000 долларов. Шокированные отечественные туристы начали наезжать на китаянку, орать на персонал, утверждать, что их «развели». Девочка-гид, недолго думая, дала мой телефон. Они позвонили, через полчаса я приехал и увидел: сидят четверо понурых, протрезвевших дядьки, обсуждают между собой то, как их, бедных, обманули. Я присел за стол, выслушал наезды самого бойкого из них. Когда он закончил, я задал всего один вопрос:

– Цену перед банкетом узнавали?

Молчат.

– А что вы тогда хотите, ребят?

Я предложил им два варианта: либо они платят, либо их забирают в полицию (но они все равно платят) и вышвыривают с Хайнаня. Встал и ушел. Мужики, матерясь, расплатились. По сути, да – это был развод. Китайцы часто этим грешили, а наши соотечественники, не спрашивая цен, попадали на серьезные деньги. Тема, как говорили в девяностые в России, «на лоха». Китайцы у себя дома, а иностранцы, особенно русские, этого не понимали, приводя в сравнение Турцию и Египет, где посетителей носили на руках... Но Китай – это Китай, и плевали они на турок, египтян и весь остальной мир. Все просто: не нравится – не приезжай.

* * *

Глубже погружаясь в специфику турбизнеса, я узнал, что на Хайнане всю работу система откатов. Никто меня в эту тему не посвящал, но, общаясь с разными людьми, работавшими на острове – гидами, бизнесменами, аборигенами, – я раскусил этот механизм. Откаты были везде: в магазинах шелка, где туристы покупали сувениры, в чайных, где торговали «элитными» сортами чая, на жемчужных фабриках, в гостиницах, в массажных салонах, в ресторанах – везде. Проще говоря – откатами обложили все, что приносило деньги. Откаты с чая, шелка, жемчуга доходили до 60 %. То есть сами продавцы получали меньше, чем туркомпании, которые приводили туристов. Об этом знали и местные бизнесмены, и некоторые из тех, кто отправлял группы из России.

На тот момент один успешный бизнесмен, наполовину китаец, судя по всему, сотрудничавший с Министерством госбезопасности Китая, создал в Москве своего рода туристический союз, который специализировался на Хайнане. Под себя он «подмял» шесть или семь крупных туроператоров, вынудив их работать через этот самый союз. Он отправлял весь поток туристов в нашу контору, а потом они вместе с нашим шефом пилили откаты. Доходы были колоссальными. Я понимал это по «черным» бухгалтерским книгам, в которые иногда заглядывал. Во время обучения в разведке я что только не изучал, в том числе бухгалтерию и налоги. Хайнань вряд ли показывал миру в этом вопросе что-то новаторское, уверен, такая же ситуация была во всех странах и на всех курортах. Чистая прибыль некоторых гидов доходила до 10 000 долларов в день, но все отдавалось на фирму. Система контроля была жесткой, утаить деньги было невозможно. Доверие ко мне росло, прошло только полгода с моего появления, как мы вместе с директором компании уже разрабатывали систему контроля всех этих процедур. Вот такой он, туристический Хайнань, или, как его называют из-за общей географической широты с известным архипелагом в Тихом океане, – «Восточные Гавайи».

* * *

Еще большой доход могли давать проститутки. Когда я расписал боссу, как можно зарабатывать на них деньги, он был в восторге от той прибыли, которая могла прилипнуть к его рукам. «Ну ты, Менделеев, и даешь. Знал бы, что заколачивать бабю учат на химфаке, сам бы стал химиком», – шутил шеф. Знал бы он, на каком таком химфаке меня готовили и кто мне читал лекции по основам бизнеса, бухгалтерии, налогам и макроэкономике...

В Москве меня учили вникать и быстро ориентироваться в разных ситуациях. Я четко знал, что мне хватило бы полгода для организации небольшого бизнеса, способного приносить доход, в любой стране.

Вскоре после разговора о проститутках мой босс нанял несколько сутенеров, которые поставили дело на поток. Маховик заработал, а меня назначили исполнительным директором компании.

Однако руководство опасалось мне доверять. Не потому что подозревали меня в какой-то скрытой цели. Они знали, что многие схемы получения доходов я придумал лично и, следовательно, знал, как положить деньги себе в карман. Собственно, мне как раз таки было не до этого – моя задача на Хайнане была не зарабатывать денег. Как офицер я ясно это понимал.

Одной из элитных проституток была двадцатилетняя девушка по имени Гого. Я прожил в Китае в общей сложности шесть лет, но никогда не встречал китайку, которая понравилась бы мне внешне. Гого же была просто сногшибательной. Достаточно высокая, точеная фигура, чуть смугловатая кожа, черные волосы...

– Здравствуйте, я Долли, – представилась она мне и сомкнула подчеркнутые помадой чувственные губы.

– Насколько я знаю, твое имя Гого. – Я улыбнулся ей в ответ.

– Для иностранцев я Долли, так удобнее, – улыбнулась она.

– Ну, тогда будешь Долька.

– А что такое «Долька»? – кокетничала Гого.

– Это «Долли» только ласково.

– Ласково я люблю... А вы у нас здесь главный?

– Ну, главный – это с натяжкой, конечно. Но помогать находить состоятельных и приличных клиентов обязательно буду.

Проституция долгое время была одной из официальных профессий в Китае (в Шанхае она была разрешена даже до ноября 1951 года). Чтобы легально промышлять профессией, проститутке достаточно было встать на учет в отделении полиции и получить соответствующее разрешение на работу. При этом требовалось указать, добровольно она идет в жрицы любви или была продана в публичный дом. За здоровьем и чистотой девочек-проституток следили писклявые евнухи. До 1949 года публичные дома как вид легального дохода существовали в каждом городе Китая, но больше всего их было в богатом Шанхае: восемь сотен домов наслаждения, в которых трудились не покладая рук и ног сорок тысяч проституток. Конкуренция среди них была очень высокая, поэтому для определения лучших девушек проводились различные конкурсы. Самой дорогой проституткой публичного дома была обладательница «красной книжечки» – девушка, выбранная лучшей служницей наибольшим количеством посетителей. Разговаривая с Гого, я подумал, что, проходи этот конкурс сегодня, она имела бы не одну такую красную «корочку».

По мнению современных публицистов, первые публичные дома в Китае появились еще в VII в. до н.э. и были призваны увеличить доходы казны. Тогда же появились специальные школы, в которых будущих куртизанок с детства обучали разным премудростям обольщения: танцам, пению, игре на музыкальных инструментах, поэзии, театральному искусству, рисо-

ванию. Семьи, испытывавшие постоянную нужду в деньгах, часто сами продавали девочек в такие школы. После изучения тонкостей ремесла юных красавиц за деньги «сватали» ценителям нежных тел и тонких душевных настроений. Если желающих купить красавицу, стоящую порой целое состояние, не находилось, она шла прямиком в бордель. Вопреки расхожему мнению о китайцах как об искусных торговцах цены на проститутку при их продаже господину снижать было нельзя. Говоря современным языком: особенности рынка. Профессии танцовщицы, певицы, актрисы пользовались в Китае дурной репутацией как раз потому, что ими искусно владели проститутки. Кстати, плотские отношения с проститутками популяризировали и адепты даосизма. Они считали, что секс с продажными девицами давал мужчинам больше энергии Инь. К VII веку н.э. проституция в Китае приобрела широкий размах. Уже тогда проститутку делили на несколько классов. Высшую касту составляли изысканно обученные и образованные феи любви. За ними шли те, кто работал в ресторанах и публичных домах. На низшей ступени иерархии находились дешевые блудницы, предлагавшие услуги в самых последних борделях.

По большому счету за сотни лет ничего не изменилось – такое деление сохранилось и по сей день. В 618–907 годах, в период правления династии Тан, проститутки высшего класса и вовсе считались законодательницами моды. Мужчина, появлявшийся в свете в сопровождении изысканной куртизанки-поэтессы, считался влиятельным человеком и имел высокий статус в обществе. Или, например, Хуан-ди – легендарный правитель Китая, считающийся основателем даосизма и предком всех китайцев, имел репутацию способного и страстного любовника. Согласно легендам, император имел половые отношения с тысячей женщин. А в Древнем Китае придворные вельможи могли сделать проституткой любую понравившуюся девушку из обслуги или родни супруги.

Проститутку активно использовали и в лечебных целях. Когда у богатых мужчин возникали проблемы с потенцией, юные красавицы их быстро вылечивали. Секс-терапия под названием «Месяц любви в постели с “Дочерью Дракона”» восстанавливала детородную силу мужчин, делая их организм крепче и здоровее. Тайны техник массажа, которыми владели проститутки, держались в строжайшем секрете, а верхом мастерства китайских «Дочерей Дракона» считался массаж мышцами влагалища. Во все времена это лечение стоило очень дорого. В наши дни один сеанс обойдется примерно в пятьсот долларов. Он имеет свой уникальный сценарий, разрабатываемый специально для каждого «больного». Таких проститутку можно узнать по тайному знаку на шее: у них вытатуирована голова дракона. Знания об этих способностях «Дочерей Дракона» меня очень заинтриговали, мне всегда хотелось попробовать, что же это за массаж – мышцами влагалища...

У Гого была такая татуировка.

В тот первый день знакомства с Гого мы проболтали около часа. Конечно, в моей профессии невозможно сказать: «Я не заметил, как пролетело это время». Зато могу сказать, что это было интересно и приятно. За хрупкими плечами двадцатилетней девушки была тяжелая судьба, которая не сломала ее, и она, несмотря на профессию, продолжала держать голову поднятой. Все-таки не зря говорят, что элитные проститутки и просто проститутки в Китае – это две большие разницы.

* * *

Тоска по Родине накатывала редко, но только потому, что на это совсем не оставалось времени. Кате я писал письма – есть в этом какая-то романтика. Набиравшие популярность электронные виды связи мне нравились меньше.

«Привет, Катюш!»

Не удивляйся, если где-то размоет чернила перьевой ручки. Стоит такая жара, что пот сходит круглосуточно, но ты думай, что это мои слезы!

У меня все хорошо. Правда, здесь невыносимо скучно. Один день как две капли похож на другой. Пашем в лабораториях над совместными российско-китайскими разработками. Что называется, делимся опытом. Эти китайцы, ей-богу, страшные зануды – даже выпить не с кем. И подраться! Ладно, шучу, шучу...

Скоро нам выплатят денег, я переishлю немного, только ты не смей отказываться. Родителей в банк гонять не хочу, так что отправлю тебе и для них – передашь. Как вышло – напишу подробнее.

Ревновать меня даже не думай! Представляешь, как выглядят китаянки? Особенно в сравнении с тобой... Так что если уж кому и ревновать, то мне... Напиши мне, как ты, как учеба, как уживается с новой соседкой в вашей комнатухе? Береги себя! Целую, скучаю. Леша».

* * *

Я регулярно получал задания по линии разведки из Центра. Они, как я сразу понял, были дублирующими. То есть мне давали те задания, результаты которых были уже доподлинно известны. Догадаться об этом было несложно, ведь это была моя первая командировка после завершения обучения, и, прежде чем приступить к полноценной работе, меня в очередной раз должны были проверить. Можно сказать, это была моя «производственная практика». Перед поездкой Минин недвусмысленно мне об этом намекнул.

Мой ведущий также объяснил мне, почему я оказался именно на Хайнане. После ухода России в 2002 году с крупнейшей за рубежом военной базы во вьетнамской бухте Камрань возможности ГРУ по оперативному контролю за этим регионом резко сократились. Военные базы за рубежом России наряду с дипломатическими представительствами были одним из видов прикрытия деятельности наших спецслужб. Официально база в Камрани являлась пунктом материально-технического обеспечения флота, но, по сути, с нее велась радиоразведка всех окрестных территорий и морей. Главным объектом для расположенной на нашей базе аппаратуры радиоперехвата являлись китайские коммуникации в Южно-Китайском море. Расположение Камрани также идеально подходило для мониторинга всего происходящего вокруг Хайнаня, стратегически важного для Китая. Когда Россия лишилась базы, возникла необходимость создавать новые каналы получения достоверной информации с этой территории.

Первые мои задания в разведке заключались в следующем: узнать состав и численность военно-морских сил Китая, дислоцировавшихся в районе города Санья. Нужно было выяснить численность подводных и надводных сил – морской авиации, атомных и дизельных подводных лодок, эскадренных миноносцев, ракетных фрегатов, противолодочных кораблей, торпедных, сторожевых и десантных катеров, морских и базовых тральщиков. Также надлежало узнать численность береговых ракетно-артиллерийских войск, радиотехнических бригад и подразделений специального назначения. В то время Китай активно развивал военно-морские силы и по количеству отдельных видов кораблей уже тогда превосходил нашу страну.

Данные, поставляемые мною, проверялись на предмет точности, надежности и объективности. Подготовленные аналитические записки отражали мое личное видение и понимание ситуации, умение верно и правильно трактовать те или иные события и факты, исключая чрезмерный, ничем не подкрепленный субъективизм.

* * *

К непосредственному выполнению заданий я приступил уже через несколько месяцев после прибытия на Хайнань. Для начала я решил установить отношения с военными летчиками. На Санья стоял вертолетный полк для совместных действий с военными моряками. Я разработал несколько специальных туристических маршрутов-развлечений. Например, полет на военном вертолете над островом. Это был очень удобный и безобидный способ «подружиться» с летчиками. Директор компании, в которой я трудился, имел хороший вес в администрации города Санья. Хорошо ладил с местными военными, которые, конечно, были не против дополнительного заработка. А развлечение, которое я проталкивал, сулило немалые барыши. Часовой полет стоил 4000 долларов. Военные получали три с половиной тысячи зеленых, наша контора – скромные 500. Камнем преткновения было лишь то, что желающих на это развлечение было не много.

О своей идее и препятствии в ее осуществлении я проинформировал Центр, и мне были обещаны «туристы». Уже через месяц на Хайнань прилетела пожилая чета. Он – бывший военный летчик, полковник в отставке, страстно любивший авиацию и, уйдя на покой, занявшийся сверхприбыльным бизнесом, она – его верная жена, скитавшаяся полжизни по гарнизонам страны. Бравый полковник, прилетевший на Хайнань прожигать кровно заработанные, за несколько дней объездил весь остров. А когда развлечений не осталось, потребовал организовать что-нибудь эдакое. Показав себя щедрым туристом, он и стал нашим первым клиентом на вертолетную экскурсию.

Естественно, вертолетчики летали там, где не запрещено, и желание увидеть что-то с вертолета было полным бредом. Расчет был иной. Военные получали деньги, и, как настоящие китайцы, они всегда уделяли внимание источнику дохода, в данном случае это был я – человек, способный найти и привести богатого туриста. Чтобы клиентов на вертолетные дела стало больше, китайцы сами стремились подружиться со мной. Этим я и пользовался, благо желающие полетать появлялись. Таким образом молодой гид, хорошо говоривший по-китайски, постепенно становился добрым другом китайских летчиков. После того как китайцы получали деньги, они с радостью предлагали мне несколько сотен зеленых, но я постоянно отказывался, ссылаясь на честность и принципиальность. Такое мое поведение вынуждало их придумывать другой способ, чтобы уважить меня. В итоге вояки приглашали в караоке-бары, где мы, лапая девок, напивались до пороссячьего визга вискарем и пивом. Дружба крепла. Особенно тепло складывались отношения с ребятами из Харбина, которых много служило на Хайнане. С одним из харбинцев, падким на деньги, мы общались особенно плотно. Я так и прозвал его – Харбинец.

* * *

Я стал частым гостем на военно-морской базе Юлинь, месте дислокации дизельных подводных лодок. Там же в прорубленных скальных укрытиях были спрятаны две новейшие атомные подводные лодки типа 094 Jin. Каждая была оснащена 12 баллистическими ракетами JuLang 2 («Большая волна-2») с дальностью стрельбы 12 800 км. Несколько раз, выходя в море на патрульных катерах, я видел пещеры – укрытия, в которых китайцы прятали эти лодки. И хотя в то время в Юлине было всего две атомные субмарины, укрытий было значительно больше – в дальнейшем китайцы явно планировали увеличить количество атомных лодок в этом районе. Система базирования военно-морских сил китайской армии в районе города Санья состояла из нескольких скальных укрытий для надводных кораблей и подводных лодок. Было очевидно, что Китай активно развивал военно-морскую инфраструктуру в этом районе.

К атомным подводным лодкам меня не подпускали, а вот на дизельных я несколько раз бывал. Понимая, что на базе за мной со всех сторон следили десятки глаз, я ни разу не позволил себя дискредитировать: ни фотоаппаратов, ни книжек для записи, ни тем более камер – ничего такого у меня никогда с собой не было. Шлепки, шорты на три размера больше (я их носил без трусов, во-первых, при +40 не жарко, а во-вторых, можно было при желании сразу купаться голым – это удобно), рубаха-гавайка и иногда шляпа. Китайцы смеялись над моим незатейливым видом, а мне это и было нужно.

* * *

Туризм, при всей его простоте, оказался очень действенным механизмом установления отношений с китайскими военными. Мы часто встречались, общались, ездили вместе на охоту в центральную часть острова, покрытую густыми лесами.

В среднем каждый месяц военные от наших туристов получали не менее 40 000 долларов. Для начального этапа сотрудничества это были очень красивые цифры.

Спустя несколько месяцев плотной работы я крепко сдружился с военными моряками и летчиками. При этом отдавал себе отчет, что крепость этой дружбы измеряется юанями. Нужно сказать, что потолок моего общения составляли младшие офицеры, выше я не лез из вопросов безопасности. Китайская контрразведка – одна из сильнейших в мире, и думать, что тебе позволят все, что заблагорассудится, было бы наивно. Я так и не думал. Работа в полевых условиях приучила меня к обдумыванию каждого шага. Если был хоть какой-то риск, я просто отказывался от активных действий и ждал очередного подходящего момента.

За все время работы в Китае я лишь несколько раз держал в руках секретные документы, всегда находя способы ознакомиться с их содержанием, как говорится, «без рук». Методам такой работы меня учили лучшие спецы ГРУ. В разведке риск провала существует всегда, но залет с поличным – полное фиаско. Помню, как на занятиях мы разбирали методы работы фарцовщиков. Лучшие из них, работая с валютой, чтобы не быть пойманными на месте преступления, не касались ее совсем.

Глава V. «Дахай – друг военного китайца»

«Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя».

Сунь Цзы. Глава XIII. Использование шпионов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.